

280099
10.17

П. СЕМЕННИКОВ

1303

**ПОЛИТИКА
РОМАНОВЫХ
НАКАНУНЕ
РЕВОЛЮЦИИ**

**ОТ АНТАНТЫ
К ГЕРМАНИИ**

1922
79

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 6

V.N. Karazin Kharkiv National University

00287879

5

ТАБЛ.

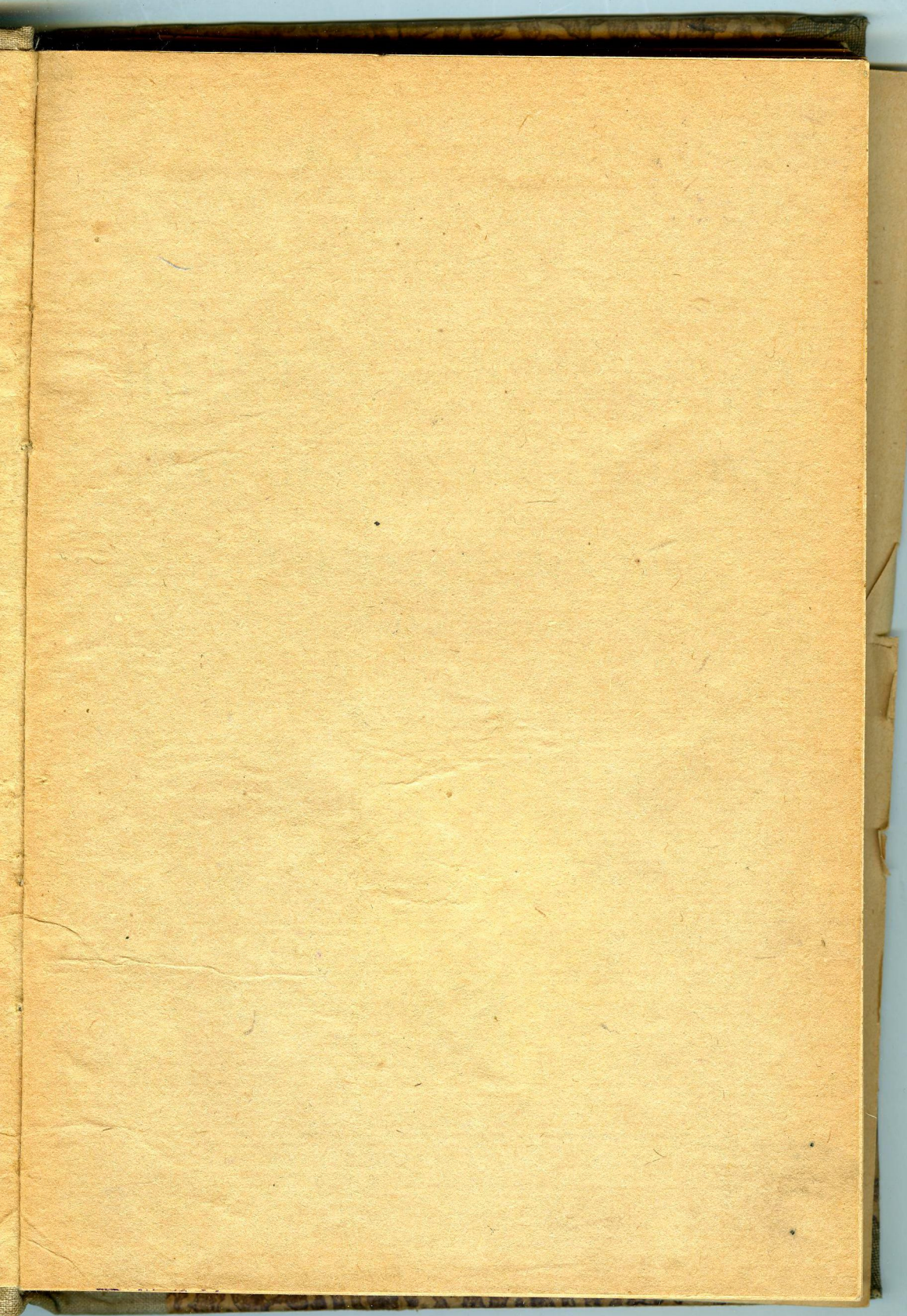
1003

№001

Суд. № 34-36

Бракер № 7

9/6 1914-1917 "6"

В. П. СЕМЕННИКОВ

5599

10 V

1303

ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

1934/17 (ОТ АНТАНТЫ—К ГЕРМАНИИ)

ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ

6655

1924
49

К
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА УЧУ
Инв. № 266086

145

521

64

50

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Проверено
ЦНБ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

От результатов империалистической войны зависело существование царизма: поражение монархии чрезвычайно усиливало все те объективные условия, на почве которых назревала революция; наоборот — победа царской России, совместно с ее союзниками, над германско-австрийской коалицией могла на время укрепить царизм и отдалить срок его неминуемой гибели.

Когда царская власть, поддерживаемая широкими слоями буржуазии, начинала войну, то ей рисовался «победоносный мир», который казался обеспеченным, и особенно благодаря «дружбе» и «единению» с союзниками. Но прошли месяцы, истек год войны — победы не было: были лишь тяжелые поражения, все более и более расшатывавшие позиции самодержавия. Постепенно перспектива победоносного мира начала становиться сперва маловероятной, а потом и совсем невозможной, и лозунг «война до конца», хотя и употреблялся еще в официальных декларациях правительства, но фактически стал отходить в сторону; вместе с тем начали обнаруживаться признаки, дававшие основание думать, что царская власть стремится идти к с е п а р а т н о м у м и р у с Г е р м а н и е й.

Для постановки такого вопроса был тогда, несомненно, ряд серьезных причин, — и крупнейший авторитет, В. И. Ленин, на основе анализа объективных социально-экономических условий, признавал, что, накануне своей гибели, русская монархия была близка к сепаратному миру и к союзу с Германией; складывавшуюся тогда ситуацию В. И. Ленин определял как возможность «поворота мировой политики». ¹

Настоящая книга посвящена выяснению вопроса, как относились к назревавшему повороту Р. чановы и поддерживавшие

¹ Взгляды В. И. Ленина будут изложены в тексте книги.

их социальные группы. Книга состоит из ряда очерков, связанных внутренним единством. Обнаруживаемые в каждом из этих очерков факты, в конце концов, приводят к выводу, что стоявшие у власти накануне падения монархии социальные группы, возглавлявшиеся Романовыми, действительно сознательно тяготели к отколу от «союзников» и к сепаратному миру, — стремление к этому я рассматриваю как руководящую линию распутинско-романовской политики.

Однако, отмеченная главная мысль книги не могла быть установлена на основании бесспорных документальных данных; для этого оказались необходимыми не только факты, но и расследования, которые могли бы приоткрыть тайные пружины романовско-распутинской политики. Стремясь к такой цели и стараясь обнаружить сознательное тяготение правящей группы к сепаратному миру с Германией, я основывался не только, собственно, на анализе фактов политики, но как на характеристике тех «сил», которые играли решающую роль в государственном аппарате, так и на оценке влияния руководящей группы в различных областях, — между прочим, и верховном командовании.

Первый очерк книги посвящен теме «Романовы и сепаратный мир»; здесь я рассматриваю вопрос о тех попытках, которые делали в этом отношении германские империалисты, и устанавливаю отношение к этим попыткам Романовых и ближайшей к ним правящей группы.

Второй очерк — «Поворотный этап царской политики» — вскрывает обстоятельства той борьбы за обладание государственным аппаратом, которая в августе 1915 г. разыгрывалась между романовской властью и либерально-империалистской буржуазией. В третьем очерке — «Банки и Распутин» — я стараюсь определить ту руководящую группу буржуазии, которая, через фактического, главу власти, Распутина, давала «пацифистское» направление царской политике; вместе с тем, при исследовании этого вопроса лишний раз, на основании строго проверенных данных, вырисовывается все то разложение, до которого дошла монархия в период своей агонии: орудование у самого «трона» мелких аферистов, назначение ими, за взятки Распутину, министров, жалкая роль самих Николая и Александры Романовых, исполнявших зачастую директивы разных банковских дельцов, — все это наглядно обнаруживается в очерке «Банки и Распутин».

Четвертый очерк посвящен теме «Распутин и верховное командование», где выясняется вопрос о вмешательстве в эту область

«божьего человека» и истинный смысл его «стратегических» советов; попутно, для обрисовки общей картины, я касаюсь и вопроса о германском шпионаже, который, повидимому, сосредоточивался где-то у руля власти.

Наконец, заключительный, пятый очерк — «От Антанты — к Германии» — имеет целью дать усиленное объяснение установленным ранее фактам, наметить экономические мотивы «пацифистского» настроения поддерживавшей распутинскую политику социальной группы и определить смысл той борьбы, которая происходила перед революцией между двумя слоями буржуазии.

При работе над этой книгой я, естественно, пользовался всеми доступными мне печатными источниками, но, кроме этого, в моем пользовании был и ряд важнейших неизданных документов, в том числе и из личных бумаг Николая II. Среди них были особенно ценны для настоящей книги печатающиеся здесь впервые письма к Николаю уполномоченной австро-германцами для сношения с ним по вопросу о сепаратном мире Фрейлины Васильчиковой; ряд других документов, здесь лишь цитируемых, вместе со многими другими материалами, будет напечатан в выходящем под моей редакцией сборнике «Монархия перед крушением».

Кроме того, я имел возможность использовать все (числом 88) протоколы допросов царских сановников, произведенных в 1917 г. учрежденной Временным правительством Чрезвычайной Следственной комиссией; были просмотрены также и все письменные показания арестованных тогда лиц.¹

Надо, однако, сказать, что этот, в общем богатый и обширный по объему, материал дал мне лишь отдельные штрихи, несмотря даже на то, что некоторые из рассматриваемых мной вопросов весьма интересовали «следственную комиссию». Эта малая содержательность всех этих показаний в данном отношении объясняется, с одной стороны, тем, что большая часть допрошенных лиц не была посвящена в эти романовские тайны, — лица же, кое-что знавшие, естественно, старались их скрывать; но, с другой стороны, надо отметить также и то, что вообще выяснению всех интересовавших комиссию вопросов только в малой степени могли служить показания этих бывших царских слуг: главное, основное надо было

¹ Протоколы эти печатаются теперь Ленигизом под названием «Падение царского режима»; пока вышли пять томов. Я пользуюсь только двумя томами этого издания, — все остальные протоколы цитируются непосредственно по подлинникам.

искать не здесь, а в личных бумагах Романовых. Между тем, Временное правительство не только постеснялось забрать эти бумаги, хотя бы в качестве необходимого для той же комиссии материала, но преступно допустило уничтожение Романовыми тех документов, которые их особенно компрометировали.

При таких условиях, самым драгоценным источником для характеристики распутинской власти навсегда останется сохранившаяся личная переписка Николая и Александры Романовых: иногда буквально одна строка из их писем бесспорно разрешает многие из тех вопросов, которым посвящены десятки страниц упомянутых протоколов «следственной комиссии». ¹ Понятно поэтому, что переписка Романовых использована мною здесь в широкой форме.

В заключение отмечу, что, при работе над этой книгой, мне встретилось несколько вопросов, которые хотя и связаны с моими основными темами, но, по разным причинам, не соответствовали включению их в основной текст, — эти вопросы рассмотрены в приложениях; там же даны и некоторые дополнения, основанные на документах, опубликованных во время печатания настоящей книги.

¹ К сожалению, во время работы над этой книгой я не имел возможности воспользоваться IV томом издаваемой Центрархивом «Переписки Н. и А. Романовых», где помещены их письма за 1916 год: этот том «Переписки» вышел в свет, когда печатание настоящей книги было уже почти закончено. Поэтому для 1916 г. мне пришлось пользоваться берлинским изданием (1922 г.) «Писем Александры Федоровны к Николаю II», хотя это издание не вполне точно и притом не заключает в себе соответствующих писем Николая II.

ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ

НАКАНАУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

РОМАНОВЫ И СЕПАРАТНЫЙ МИР.

Попытки центральных держав подорвать союз их противников предпринимались уже с самых первых месяцев войны. Крушение, после боя с французами на Марне, первоначального германского военного плана слишком ясно показало всю призрачность достижения скорой победы над могущественной англо-русско-французской коалицией. И потому австро-германцы, изыскивая все стратегические возможности для ускорения победы над противником, вместе с тем вскоре же стали прилагать неофициальные дипломатические усилия, чтобы облегчить достижение цели и другим путем — отколоть от союза хотя бы одну из держав враждебной им коалиции, или, во всяком случае, тем или иным путем подорвать их союзную связь. Это был вполне понятный тактический прием, так как, в случае успеха такого откола, австро-германские империалисты могли бы освободить часть своих вооруженных сил и двинуть их против остальных противников.

В большинстве таких попыток объектом внимания австро-германцев была Россия. Это также вполне объяснимо, и прежде всего потому, что основные причины мирового конфликта лежали, для руководящего империалистского слоя Германии, в первую очередь, не в России, а в Англии и затем во Франции. Что касается империалистов Австрии, то хотя их «главным врагом» была Россия (а затем Италия), но политику Австрии направляли те же германские империалисты, и австрийским лишь оставалось идти на поводу у руководящей группы своих германских союзников.

В связи с этим первую, ближайшую задачу германско-австрийских империалистов составляло достижение главной цели,

лежавшей в сфере столкновения империалистских интересов Германии и Англии, — Россия же могла, хотя бы временно, отступить, в глазах германцев, на второе место. И это особенно потому, что сепаратный мир Германии с царской Россией был бы, в сущности, равносильен союзу этих государств.

Надо сказать вместе с тем, что Россия представлялась противной стороне и наиболее уязвимой в смысле возможности откола ее от союзников. Это свидетельствуют и сами германцы, — например, в своих воспоминаниях бывший германский министр Эрцбергер.¹ И такое мнение имело, конечно, все основания, так как русская монархия представляла собой слишком непрочное государственное здание, и потому в гораздо меньшей степени, чем союзные с ней государства, была способна вести затяжную войну.

На почве этих причин австро-германцы не раз делали попытки побудить Романовых к заключению сепаратного мира. Об этих попытках, о том, как реагировали на них Романовы и правящая группа, и как вообще относились они к возможности сепаратного мира, мы и будем говорить в настоящем очерке.

1.

Первая, известная нам, попытка австро-германцев войти в сношения с Романовыми по вопросу о сепаратном мире относится к концу февраля 1915 г., т.-е. к началу второго полугодия войны.² Это было время, когда русская армия наступала в Галиции (9 марта был взят Перемышль); в то же время германские войска, в виду наступательных действий русской армии, перебрасывались с западного фронта на русский.³ При таких условиях, попытка войти в переговоры о сепаратном мире была в этот момент, с германской точки зрения, вполне своевременна, — тем более, что вскоре (в марте — апреле) перед немцами встал вопрос о сосредоточении главных своих сил именно

¹ М. Эрцбергер. «Германия и Антанта». Мемуары. Гос. Изд.—ство. 1923 г., стр. 201.

² Возможно, однако, что такие попытки делались и ранее — см. приложения.

³ Так, например, еще 8 февраля в. к. Николай Николаевич в письме к Николаю II сообщал о переброске с западного фронта на русский 3—5 корпусов (см. «Николай II и великие князья». Родственные письма к последнему царю. Гос. Изд.—во. 1925 г., стр. 32).

на русском фронте, куда решено было перенести центр тяжести борьбы.

В качестве посредника для сношений с Романовыми была избрана соответствующими австро-германскими властями Фрейлина русских императриц М. А. Васильчикова. Она постоянно жила в Австрии, в своем имении (под Веной), — здесь ее застало и начало войны; но Васильчикова не вернулась тогда в Россию, а, в виде особого исключения, была оставлена австрийцами в ее имении.

Васильчикова была соединена родственными отношениями с различными представителями как русской, так и австрийской аристократии, — в частности, была очень близка к кн. Лихтенштейну, бывшему австрийскому послу в Петербурге, — имела обширное знакомство в этой среде и, кроме того, была лично хорошо известна Романовым.

Благодаря всем этим обстоятельствам, австро-германские власти и решили использовать Васильчикову в качестве посредника для предварительных неофициальных сношений с Романовыми.

Переговоры с Васильчиковой вели сперва три лица (два немца и один австриец), не принадлежавшие к официальной дипломатии, но имевшие сношения с царствующими домами как Австрии, так и Германии. Эти лица приезжали в имение к Васильчиковой и вели с ней переговоры. Позднее она была вызвана из своего австрийского имения в Берлин, — и здесь с ней имел соответствующие беседы германский министр иностранных дел фон-Ягов. Он передал ей на словах несколько соображений, подготовлявших почву для постановки вопроса о мире.¹

О тех беседах, которые имела Васильчикова с приезжавшими к ней лицами и с фон-Яговым, она сообщила в письмах (их было три) к Николаю II.

Эти письма, ниже печатаемые, воспроизводят историю этого дела в той скрытой его стадии, которая была в свое время известна только самому тесному романовскому кругу.²

¹ Заметим, что, по словам Эрцбергера, именно ф.-Ягов, среди всех государственных деятелей Германии, «яснее других понимал настоятельность заключения мира»: с самого начала войны он «выражал мнение, что Германия должна быть довольна, если выйдет из войны только с подбитым глазом» (см. Эрцбергер, цитиров. воспоминания, стр. 198).

² Письма Васильчиковой воспроизводятся со всеми ее стилистическими ошибками.

Письма Васильчиковой к Николаю II.

1.

25 февраля — 10 марта 1915.

*Klein Vartenstein
Gloggnitz
Nieder Oesterreich.*

Ваше величество.

Сознаю всю смелость моего поступка писать вашему императорскому величеству, но только беспредельная любовь к вам, государь, и к моему отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество соизволить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же, ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского,¹ и анонимных доносов, что ¹я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т.-е. не смею выходить из моего сада,—и ко мне сюда приехали трое² — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храбрости русских, и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем М и р а.— У вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс.— Теперь одно ваше могучее слово,—и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот признают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние; — а там и страшная желтая раса, — против нее стена —

¹ Васильчикова находилась, между прочим, в родстве с Павлом Скоропадским, который в 1918 г. был гетманом Украины, а в это время, в качестве начальника одной из русских кавалерийских дивизий, участвовал в войне.

² Здесь и далее набранное разрядкой подчеркнуто Васильчиковой,

одна Россия, имея во главе вас, государь. Одно ваше слово, и вы к вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия».

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение — что могу я — мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, — и тогда, стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному, сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — а Дарданеллы? Тут тоже сказали: «Стоит русскому царю пожелать — проход будет свободен».

Люди, которые со мною говорили, не дипломаты, но люди с положением, и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова — так искренно преданный вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров¹ — l'Alliance des trois Empereurs.

Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое, со мной говорившие, бывали в России, ее знают и любят. Также к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть огромная к Англии.

Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь, [вследствие того]² что ни в Германии, ни в Англии нет вашего представителя, мне пришлось высказать. Молю меня простить, если ваше величество найдет, что я неправильно поступила.

Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но эти трое — не дипломаты, а, так сказать, эхо обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

¹ Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, бывший министром иностранных дел в 1895 — 1896 гг.

² Добавлено по смыслу.

17/30 марта 1915.

2.

*Klein Vartenstein
Glogganitz
Nieder Oesterreich.*

Ваше величество.

Не знаю, дошло ли до вашего величества письмо, которое осмелилась вам написать (10 марта нового стиля). С тех пор многое случилось — Пржемысль пал, наши храбрые воины отчаянно воюют в Карпатах — и вот опять ко мне приехали трое (два немца и один австриец), прося повторить написанное мною в первом письме и, может быть, не дошедшем до вашего величества, а именно — что в Германии и Австрии желают мира с Россиею, и вы, государь, возымевший святую мысль о международном мире и по желанию которого был созван в Гааге мирный конгресс, вы, властитель величайшей страны в мире, вы один — тот, который, как победитель, можете первый произнести слово мир, — и реки крови иссякнут и страшное теперешнее горе превратится в радость.

Меня просят довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар, и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Манчжурию. Люди, которые мне это говорят, не дипломаты, но искренно любят свое отечество, и они — э х о народного желания, и говорят — мы просим русского государя, не побежденного, а победителя, и в качестве такового произнести слово мир, и ему пойдут всячески навстречу, и вопрос о Дарданеллах будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России.

Опять прошу прощения, что смею все это писать, — но моя русская кровь возрадовалась, услышав все то, что эти трое, которые знают хорошо Россию, говорят. Они, повторяю, не дипломаты, но имеют сношения с царственными домами обеих стран, находящихся в вражде с Россиею.

Мое первое письмо послала через ее величество, — а это беру смелость прямо послать вам, государь!

О, если бы пасхальный звон возвестил бы и мир! — Христос воскрес, дай вам бог, ваше величество, государыне императрице и вашим августейшим детям всего светлого и радостного.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

Если ваше величество желали бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу.

5.

Берлин. 27/14 мая 1915.

Ваше величество.

Осмеливаюсь еще раз писать вам, государь, и этот раз из Берлина, куда меня просили приехать, или, вернее, за мной приехали в Klein Vartenstein, под предлогом, что я могу в Германии видеть моего племянника, который находится здесь в плену, а в сущности, чтобы я могла передать вашему величеству разговоры, которые тут имела.

Вашему величеству известно, что с августа месяца я в Klein Vartenstein более или менее в плену — мне запрещено выходить из моего сада. Здесь же, в Берлине, я пользуюсь полной свободой, и мне даны всяческие права, которыми никто из иностранцев, теперь живущих в Берлине и Германии, не пользуется, — и это с ведома императора Вильгельма, который знает благосклонное и милостивое отношение вашего величества и государыни императрицы ко мне.

Я горько раскаиваюсь, что покинула Россию, и теперь, в эти тяжелые времена, не могу быть полезной, но, может, воля всевышнего так решила, и далеко от родины я все же могу ей служить; поэтому и дерзаю передать все слышанное.

Уже с конца февраля ко мне в Klein Vartenstein приезжали говорить о мире, — как писала вашему величеству. Теперь, хотя, конечно, неофициально, но из всех разговоров можно ясно понять, что желание мира с Россией очень усилилось. Тут многие ко мне приезжали, и министр иностранных дел von-Jagow, которого давно знаю, был у меня несколько раз и долго говорил о теперешнем положении, — скажу больше, с его желания и ведома передаю наши разговоры. Так как они велись на французском языке, стараюсь дословно их передать на том же языке, и вы усмотрите, что Германия и с к р е п н о желает прекратить войну

как можно скорее и сделаться не врагом, а другом и союзником России.¹

«Все здесь держатся того мнения, что мир между Германией и Россией — вопрос жизни и смерти для обеих стран, которые связаны между собою столькими торговыми интересами и в действительности ни в чем не расходятся в своей внешней политике. Само собой понятно, что в этот мир должна быть включена и Австрия, ибо Германия не может и не хочет покинуть Австрию, которая, во всяком случае, выйдет из этой войны ослабленною».

«Необходимо прекратить бойню именно теперь, когда, несмотря на большие потери с одной и с другой стороны, ни одна из воюющих стран не разбита. Россия выиграет гораздо больше, если она заключит выгодный мир с Германией, даже и в вопросе о Дарданеллах, который Германия рассматривает как вопрос, имеющий первостепенное значение для России. Здесь убеждены, что Англия захочет и будет настаивать на том, чтобы иметь полную свободу в Черном море, — другими словами, она пожелает там господствовать, ибо называет себя «владычицей морей». А для России, в случае, если ей придется когда-либо воевать с Англией, такое положение будет чревато великими опасностями. Мне указали на то, что Англия никогда не была истинным другом союзников — она любит, чтобы другие вынимали для нее каштаны из огня. Англия стремится к преобладающему влиянию в Константинополе, и несмотря на все свои обещания, она никогда не позволит России захватить этот город или оставить его во власти России, если бы последней удалось его занять».

«Германия нуждается в России сильной и монархической и оба соседние царствующие дома должны поддерживать свои старые монархические и дружественные традиции. Продолжение войны считают здесь опасностью для династии. Здесь отлично, понимают, что Россия не хочет покинуть Францию, но и в этом вопросе — вопросе чести для России — Германия понимает ее положение и не будет ставить ни малейших препятствий к справедливому соглашению».

«Здесь и не помышляют о создании нового Царства Польского, которое явилось бы источником раздоров, а кроме того, не имея свободного выхода к морю, было бы, в конце концов,

¹ Следующий далее французский текст даем в русском переводе. Подлинный французский текст см. в приложениях.

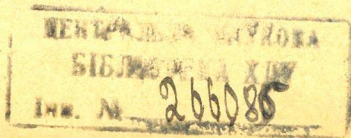
задушено соседями, ибо ни Россия, ни Германия и не подумают пожертвовать ради Польши ни одним из их портов в северном море.

«Здесь понимают также, что обезопасить Европу от желтой расы может только сильная Россия. Впрочем, завещание Бисмарка было оставить России свободную политику в Азии.

«Война с Италией здесь никого не пугает.¹ Начиная с осени, весь южный Тироль наводнен австрийскими войсками, а несколько времени тому назад и германцы направили туда часть своих сил. Эта война, по сведениям из верного источника, ведется на английские деньги, и политические заправилы, франкмасоны, радикалы и *tutti quanti*, истинная цель которых низвергать троны, заработали несколько миллионов лир. Здесь полагают, впрочем, что ваше величество были против того, чтобы Италия вмешалась в эту войну. И самым категорическим образом мне повторяли неоднократно, что в стране нет ни малейшей ненависти к России.

«Мне говорили также о дурном обращении с германскими гражданскими пленными в России, и мне рассказывали, что ваше величество, узнав об этом, соблаговолили собственноручно начертать об улучшении обращения с ними, на что в военном министерстве к вашим словам прибавили: «только с пленными славянского происхождения». В Петрограде гражданские пленные еще не очень жалуются, но один из секретарей здешнего американского посольства написал, что обращение с пленными в провинции «is a scandal», и с гражданскими пленными более, чем с военнопленными. Тяжелое впечатление производит также судьба германского консула в Ковно, барона Лерхенфельда, который, вот уже девять месяцев, сидит в Петропавловской крепости по обвинению в том, что у него нашли карты, напечатанные в военной типографии. Не понимают здесь также причин присуждения к смертной казни двух офицеров-летчиков, господ Кнобельсдорфа и де-Бюбия, смертный приговор которым, милостью вашего величества, был заменен каторжными работами. Они будто бы сбрасывали прокламации, т.-е. прибегли к обычному военному маневру, которым пользуются, кажется, во всех армиях.

¹ Это — самый свежий отклик на только-что происшедшее объявление Италией войны Австро-Венгрии: Васильчикова пишет 14—27 мая, а Италия объявила войну за три дня до этого — 11/24 мая 1915 г.

«Вообще, из всех этих разговоров ясно видно, что Англия — не истинный друг России, и что в Германии никто не удивится, если через несколько лет она предложит Германии использовать ее силы против России, — но Германия желает прочного мира с Россией». ¹

Из вышеизложенного ваше величество усмотрите, что первая попытка о сближении с Россией, хотя не официальная, но все же исходит из Германии. Здесь говорят, что в последнее время в. к. Николай Николаевич делает ошибку за ошибкой и что он совсем не жалеет солдат, — это говорят и раненые русские, и пленные — «жизнь солдата ему ни по чем». По 2-е или 3-е мая нового стиля в Германии числилось пленных русских

офицеров	5 500
солдат	520 000

Теперь, после последних сражений в Карпатах, число значительно увеличилось. Офицеры находятся в 25 лагерях, а солдаты в 90 (точные сведения из военного министерства). В Австрии за последнее время было перевезено по железным дорогам 194 000, а сколько вообще находится русских пленных в Австрии, мне неизвестно. . . ²

Мой племянник Милорадович, сын моей сестры, переведен теперь со всеми офицерами, которые были в Burg, в Mainz, и я получила позволение его видеть во Франкфурте, куда его привезли на автомобиле в General Commando, — где я его 2 часа видела без свидетелей. Конечно, он очень скучает, и ему больно, что именно теперь он не может служить своему дорогому отечеству. Вместе с ним в Mainz много англичан, французов, бельгийцев. Он говорит, что англичане симпатичнее других, но прямо, не стесняясь, говорят — как только будет мир, мы немедленно заключим союз с Германией, чтобы напасть на Россию!!! Да, недаром Хомяков говорил про Англию — «коварный Альбион».

Великий герцог гессенский, узнав, что я во Франкфурте, немедленно телефонировал приехать завтракать в Volksgarten. Лишнее говорить, с какою любовью он говорил про вас и императрицу, и как искренно он желает мира и как радовался, что v.-Jagow решился со мной высказаться.

¹ Далее по-русски.

² После этого Васильчикова описывает посещение ею лагеря военнопленных около Берлина. Опускаем здесь это описание, как не относящееся к нашей теме; выпущенная часть письма напечатана в приложениях.

Это письмо будет доставлено в Царское Село и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки вашего величества. Смею просить приказать мне дать ответ, который могу передать von-Jagow. Я буду его здесь ждать, а потом, увы, должна вернуться в Klein Vartenstein, который до окончания войны не имею права покинуть. Если ваше величество решит с высоты вашего престола произнести слово мир, вы решите судьбу народов всего мира, и если вы пришлете доверенное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров.

Вашего императорского величества с чувством глубочайшей преданности верноподданная

Мария Васильчикова.

Если бы ваше величество пожелали, чтобы я лично передала все слышанное и все, что видела здесь и в Германии, мне всячески облегчат путешествие в Царское Село, — но я должна все же вернуться в Австрию до окончания войны.

Таковы были первые, переданные через Васильчикову, обращения австро-германцев к Николаю. Из этих писем ясно видно, что Васильчикова действовала по поручению высших германско-австрийских правящих кругов, во главе с Вильгельмом II. При таких условиях миссия Васильчиковой имела, конечно, особо авторитетный характер. Но разговоры приезжавших к Васильчиковой австро-германских уполномоченных и беседа с ней германского министра иностранных дел фон-Ягова, предназначенная для передачи Николаю, были, собственно, только предварительным зондированием почвы, при котором, как и всегда в подобных случаях, взгляды высказываются лишь в более или менее общих словах.

Тем не менее основная цель высказана вполне ясно: «необходимо прекратить бойню именно теперь», необходимо России заключить сепаратный мир с Германией и Австрией, — а после этого Германия, — как поясняет Васильчикова, — должна «сделаться не врагом, а другом и союзником России».

Возбуждая этот вопрос, германские империалисты, и в частности фон-Ягов, старались, прежде всего, воздействовать на Романовых угрозой будущей революции — указанием, что продолжение войны является «опасностью для династии». В связи с этим указанием стоит и мысль о необходимости «сильной монархической России», которая должна быть в дружественной связи

с монархической Германией; это — повторение обычных мыслей Вильгельма, не раз развиваемых им и в переписке его с Николаем. Столь же обычно и указание на грядущую опасность от желтой расы, от которой может избавить Европу только сильная Россия: германские империалисты постоянно толкали царскую Россию на Дальний Восток, чтобы самим обеспечить свободу действий на Ближнем Востоке, и даже в данных письмах не упустили случая намекнуть, будто бы в то время шли секретные переговоры Англии с Японией относительно того, чтобы отдать последней Манчжурию.

Подготавливая почву для сепаратного мира, австро-германцы, естественно, должны были обратить, вместе с тем, внимание Романовых на ненадежность их союзников, — и стремление возбудить недоверие к последним, и в частности к Англии, выражается в письмах Васильчиковой достаточно ярко.

В связи с этим, Ягов указывает Романовым на основной для русских империалистов вопрос — о Константинополе, утверждая (и не без основания), что «несмотря на все свои обещания», Англия «никогда не позволит России захватить этот город, или оставить его во власти России, если бы последней удалось его занять». И, помимо Ягова, другие приезжавшие к Васильчиковой австро-германские уполномоченные сообщали ей, для передачи Романовым, из «секретнейшего источника», что Англия не только намерена оставить себе Константинополь, но и предполагает создать в Дарданеллах новый Гибралтар.

Этим указанием германцы довольно метко затрагивали весьма чувствительное место: в руководящих русских военных кругах и без того с недоверием смотрели на предпринятые «союзниками» военные действия в Дарданеллах; так, например (правда позднее), на союзной конференции в Шантильи, когда был, уже после неудачи дарданельской операции, поставлен вопрос о том, надлежит ли совершенно очистить Галлиполи, или оставить небольшой английский отряд на южной конечности полуострова, представитель русского командования ген. Жилинский высказывался за полное очищение Дарданелл, — и скрытым мотивом этого было сознание опасности «создания постоянного английского поста, нового Гибралтара при выходе в Средиземное море».¹

Надо к этому прибавить, что и помимо германских указаний, сами Романовы могли вскоре убедиться в характере той «дружбы»,

¹ См. секретную телеграмму Жилинского ген. Алексееву от 27 ноября 1915 г. — Валентинов. «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг.». М. 1920 г., стр. 55—56.

которую проявили «союзники», согласившись на «уступку» царской России Константинополя. Несмотря на всю его притягательность для русской буржуазии, соглашение об этой уступке имело и обратную сторону: оно, в сущности, совершенно подчиняло политику царской России на Балканах указке союзной дипломатии, и когда русское правительство пыталось изредка противиться тем требованиям, которые стали предъявлять союзники (например, в вопросе о территориальных компенсациях за выступление Румынии), то последние шантажировали царское правительство угрозой пересмотра и отмены этого соглашения.¹

Но все это стало обнаруживаться позднее. А в то время, когда германцы делали через Васильчикову свои предложения Романовым, последних, повидимому, не могли охладить германские уверения относительно ненадежности обещаний Англии, — и прежде всего потому, что как раз перед теми днями, когда были получены от Васильчиковой предложения германцев, к Романовым только-что пришло первое сообщение, что Англия, при известных условиях, соглашается предоставить России Константинополь и проливы. Это согласие было дано 27 февраля (12 марта н. ст.) 1915 г.,² а первое письмо Васильчиковой получено Романовыми 9 марта (ст. ст.).

Таким образом, в это время в руках Романовых был тот аванс, благодаря которому они могли не польститься на заверения германцев.

В своей беседе Ф.-Ягов касается также вопроса о Польше: оказывается, германцы «даже и не помышляют» о создании Царства Польского. Это, конечно, противоречит истине. Можно в этом отношении сослаться хотя бы на того же Эрцбергера: он с самого начала войны настаивал, что «Берлин и Вена должны заключить соглашение и короновать польского короля в Кракове у исторических гробниц».³ «В первое время по завоевании Варшавы, в 1915 г., — говорит Эрцбергер, — германское правительство

¹ См., например, секретную телеграмму русского посла в Париже Извольского от 29 сентября/12 октября 1915 г. в издании Нар. Комисс. Иностр. Дел. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». Под ред. и со вступ. статьей Е. А. Адамова. М. 1921 г., стр. 18.

² См. «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Раздел Азиатской Турции». По секретным документам б. министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Издание Нар. Комисс. Иностр. Дел. М. 1924 г., стр. 124 — памятная записка великобрит. посольства Сазонову.

³ Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 146.

склонялось к тому, чтобы конгрессовая Польша, соединенная с Галицией, вошла в состав Австрии, при чем император австрийский был бы в то же время королем польским». Но потом в Германии утвердились на мысли создать из конгрессовой Польши самостоятельное государство.¹ Как известно, позднее — в 1916 г., 5 ноября (н. ст.) — австро-германцы издали акт об образовании польского государства с наследственным монархическим правлением, но в то время, когда германцы делали через Васильчикову свои предложения, они, видимо, соглашались оставить этот вопрос в таком положении, в каком он был до войны, — на это и намекалось словами, что они «не помышляют» и т. д.

В письмах Васильчиковой повторяется на все лады: в Германии «нет ни малейшей ненависти к России»; а так как Константинополя России все равно от Англии не получить, то ради чего тогда воевать? Отсюда следует вывод, что Россия «выиграет гораздо больше, если она заключит выгодный мир с Германией».

Так говорили Романовым германские и действовавшие совместно с ними австрийские империалисты.

Далее мы покажем, как отнеслись к этим предложениям Романовы. Но ранее надо отметить, что, сомневаясь, видимо, в удачном результате действий Васильчиковой, германцы сделали в то же время еще и другую попытку повлиять на Романовых — путем непосредственного обращения к Александре Федоровне брата ее, великого герцога гессенского Эрнста-Людвига (имя которого упоминалось и в последнем письме Васильчиковой). Об этом мы узнаем из опубликованной теперь переписки Романовых;² эта же переписка дает возможность получить и некоторые данные об отношении Романовых к рассматриваемой нами первой попытке сепаратного мира.

Из писем Романовых видно, что первое письмо Васильчиковой было получено в Царском Селе в те дни, когда Николай находился в ставке; 9 марта А. Ф. пересылала это письмо Николаю (как было видно из слов самой Васильчиковой, ее первое обращение и было сделано «через ее величество», т.-е. через Александру Федоровну). Отправляя 9 марта (как раз в день взятия русскими войсками Перемысли) это письмо своему мужу, А. Ф. писала:

¹ Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 147.

² «Переписка Николая и Александры Романовых». 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского. Госуд. Изд-ство. П. 1923. — При дальнейших цитатах обозначаем эту книгу сокращенно — «Переписка».

«Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма».¹

В последней фразе надо обратить внимание на это «более не отвечаю». Что это означает? Видимо только то, что Васильчикова и ранее писала Александре Федоровне, — и последняя отвечала на эти письма. Но теперь, когда Васильчикова прямо выступила с предложением сепаратного мира, А. Ф., зная, что Николай смотрит на этот вопрос отрицательно,² не могла не заявить и о своем несочувственном к этому отношении. В чем состояла переписка Васильчиковой с А. Ф. ранее — мы не знаем, но можно думать, что эта переписка и подготовила ту почву, основываясь на которой Васильчикова решила обратиться к Николаю с германскими предложениями.

На первое свое письмо Васильчикова ответа, по крайней мере в течение трех недель, не получила: это видно из ее второго письма, посланного на этот раз уже непосредственно самому Николаю. Это второе письмо, отправленное 17 марта, Николай должен был получить в то время, когда он находился в Царском (в ставку он выехал 4 апреля), и у нас нет данных судить о том, как реагировали Романовы и на это второе письмо.³

Третье письмо Васильчиковой было отправлено уже из Берлина 14 мая 1915 г., — почти через два месяца после второго письма; но и о нем в переписке Романовых каких-либо данных мы не находим.⁴

¹ «Переписка», т. III, стр. 140. — Очевидно, А. Ф. придавала этому делу особое значение, так как, хотя и знала, что Николай меньше чем через двое суток вернется в Царское, она все-таки сочла нужным переслать ему это письмо в ставку.

² См. ниже.

³ Впрочем, в дневнике генерала Сухомлинова, напечатанном в журнале «Дела и Дни» 1920 г., кн. 1-я, есть, под 24 марта (на стр. 220), такая запись: «Его величеству уже закидывает удочки Вильгельм, через лиц, находящихся за границей и близких государю. Его величество выразил твердую решимость довести дело до конца и не поддаваться ни на какие уступки». Очевидно, это относится к письмам Васильчиковой и, в частности, к письму, отправленному 17 марта.

⁴ Надо заметить, что Васильчикову, о которой мы говорим, звали Мария Александровна (она не имела княжеского титула); в переписке Романовых она фигурирует под именем «Маши Васильчиковой». Ее не надо смешивать с другой Васильчиковой, также упоминаемой в переписке, — Марией Николаевной — княгиней, женой генерал-адъютанта кн. С. И. Васильчикова (в переписке она обычно называется «Мария Васильчикова»). Так, несомненно, как раз об этой М. Н. Васильчиковой

Но зато ранее — в письме от 17 апреля 1915 г. — мы имеем очень ценное указание. В этот день Александра Федоровна сообщила своему мужу о полученном ею письме от брата ее, герцога гессенского:

«Я получила, — пишет А. Ф., — длинное, милое письмо от Эрни,¹ я тебе его покажу по твоём возвращении. Он пишет: «если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, — то это я»² и крепко тебя целует. Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. — У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России».

Оказывается, что «Эрни», не дожидаясь ответа, уже послал в Стокгольм доверенного человека. А. Ф. сообщает об этом далее:

«Э. послал уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. — Я немедленно написала ответ (все через Дэзи)³ и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался, и чтобы он не ждал, и что, хотя все и жаждут мира, но время еще не настало».

Непосредственно за этим А. Ф. прибавляет еще несколько замечаний:

«Я хотела, — пишет она, — кончить с этим делом до твоего возвращения, так как знала, что тебе это было бы неприятно. В.,⁴ конечно, ничего абсолютно об этом не знает. Эрни пишет, что они стоят твердой стеной во Франции и, по словам его друзей, также на юге и в Карпатах. — Они думают, что у них 500 000 наших

говорится в письме от 14 июня 1915 г. на стр. 212—213 III тома «Переписки», где идет речь о ее слежке за Распутиным. В письмах Романовых упоминается и еще одна Васильчикова — София Николаевна (княгиня), известная тем, что в 1916 г. она послала Николаю письмо, направленное против А. Ф., за что и подверглась, вместе с мужем, членом Госуд. Совета кн. Б. А. Васильчиковым, высылке из столицы.

¹ Семейное имя герцога гессенского.

² Подчеркнуто А. Ф.

³ «Дэзи» — это, вероятно, наследная шведская принцесса Маргарита, урожденная принцесса английская (указано в примечании при тексте письма в «Переписке Н. и А. Романовых», том III, стр. 174).

⁴ Т.-е. Вильгельм II.

пленных. — Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господине, который там ждет, а тебя здесь нет, был очень сложным. Э. будет разочарован». ¹

Итак, как ни грустно было Александре Федоровне «разочаровывать» своего брата, вопрос не мог стать на какую-либо практическую почву уже прежде всего потому, что Николая не было в это время в Царском Селе, да и самое предложение запоздало, так как посланное герцогом гессенским лицо, еще за два дня до получения А. Ф. письма, прибыло в Стокгольм и могло ждать там «только неделю».

Из напечатанного здесь третьего письма Васильчиковой видно, что она, приехав в Германию, имела свидание с герцогом гессенским («Эрни»). Таким образом, действия этих двух лиц — герцога гессенского Эрнста-Людвига и фрейлины Васильчиковой (по крайней мере, что касается ее третьего письма) — стоят в самой тесной взаимной связи.

Как это можно было и раньше предполагать (это и было высказано М. Н. Покровским), ² за спиной герцога гессенского действовал сам Вильгельм II. Теперь, относительно выступавшей совместно с герцогом гессенским Васильчиковой, это устанавливается документально — на основании собственных ее слов, что в Берлине она пользуется «полной свободой» и имеет «всяческие права» — все это «с ведома императора Вильгельма». Если же, — как мы видели, — Эрнст-Людвиг в письме к А. Ф. счел нужным подчеркнуть, что Вильгельм совершенно непричастен к предложению сепаратного мира (он «ничего абсолютно об этом не знает»), то эта ложь была нужна, конечно, только для того, чтобы не особенно пугать Николая; жена последнего с той же целью сделала вид, что поверила этому утверждению «Эрни». Таким образом, всему этому делу придавался добрый семейный характер.

Несмотря на то, что эти выступления в пользу сепаратного мира держались в строжайшем секрете, и имя Васильчиковой в это время нигде обнаружено не было, слухи о мирных предложениях Германии стали распространяться как раз тогда (после получения третьего письма Васильчиковой). В связи с этим можно отметить один эпизод из той же переписки Романовых.

¹ «Переписка», т. III, стр. 174.

² В предисловии к «Переписке Н. и А. Романовых», стр. XXII.

Возникшими слухами взволновался прежде всего юркий представитель французских империалистов в России — Палеолог. Желая разведать дело, он обратился к дяде Николая II, в. к. Павлу Александровичу. Последний же решил разузнать все в первоисточнике — у Александры Федоровны. Об этом свидании с в. к. Павлом она, 14 июня 1915 г., писала своему мужу:

«Недавно у него (Павла Александровича) обедал Палеолог и имел с ним долгую интимную беседу, во время которой он очень хитро старался выведать у Павла, не имеешь ли ты намерения заключить сепаратный мир с Германией, так как он слышал об этом здесь, и во Франции распространился об этом слух; они же будут сражаться до конца. Павел отвечал, что он уверен, что это неправда, тем более, что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в каком случае сепаратно.

«Затем я сказала Павлу, — продолжает А. Ф., — что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас, — потому-то немцы и стараются раздуть эти слухи. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира...».¹

Николай в ответном письме похвалил жену за то, что она «давала совершенно правильные ответы по вопросу о мире». «Это, — прибавлял Николай, — как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкину, который будет опубликован».²

В приведенной выше цитате из письма А. Ф. особенно заслуживает быть отмеченной одна мысль, это — что заключение сепаратного мира «вызвало бы революцию». Это был в данном вопросе сильнейший аргумент, основанный на чувстве самосохранения: нельзя заключать мира прежде всего потому, что в таком случае будет революция. Этот взгляд, как видно из слов А. Ф., был в это время усвоен и Николаем.

Но откуда же ждали они этой революции, как последствия разрыва с союзниками? При всей политической наивности Романовых, трудно допустить, чтобы они, на основе этой п р и ч и н ы, могли ждать революции от народных масс, которых

¹ «Переписка», т. III, стр. 211.

² Там же, стр. 223.

они насильно гнали в бой,—и тем более, что именно благодаря своей крайней наивности, Романовы были убеждены в глубокой преданности и любви к себе угнетаемого ими народа. Очевидно, в глазах Романовых, угроза революции от сепаратного мира виднелась в стороне тогдашней воинствующей «общественности»: Дума, «союзы», кадеты, «мерзкий Родзянко» и т. п. — вот откуда Романовы, по их пониманию, могли ждать революции, как последствия разрыва с союзниками. И в этом мнении они тогда были не одиноки: в таком же духе думал, или хотел показать, что так думает, например, французский посол Палеолог.¹

Но существовал и другой взгляд, его, как мы видели, указывали Романовым из Германии: «продолжение войны считают здесь опасностью для династии» — так писала Васильчикова. Однако, все значение этого указания в то время, как видно, еще не было понято Романовыми.

Но, если теперь мы допустим, что в романовском кругу, действительно, стала вскоре созреть мысль о необходимости сепаратного мира, то в таком случае первой предпосылкой для такой возможности являлась бы, вследствие усвоенного ими вышеотмеченного взгляда, решительная борьба с теми слоями буржуазии, которые были особенно воинственно настроены. В связи с этим, при возможности постановки вопроса о мире, эта борьба должна была принять особенно живой, актуальный характер. И что руководящее ядро позднее могло именно так рассуждать, подтверждается наблюдением над ходом правительственной политики, которая с особенно резкой реакционностью стала проводиться во второй половине 1915 г.

К этому можно прибавить, что сама А. Ф. дала указание, подтверждающее это наше предположение: 31 декабря 1915 г., при новогодних пожеланиях, она писала мужу:

«А для внутреннего спокойствия необходимо подавить те мятежные элементы, что стараются разорить страну и втянуть тебя

¹ В своих мемуарах Палеолог приводит (5 февраля 1915 г.) свою беседу с различными, преимущественно кадетскими, депутатами: «Они меня убеждают, — пишет Палеолог, — что война глубоко взволновала народное сознание, и что русский народ возмущился бы против мира, который бы не был победоносным, который бы не дал России Константинополя». С своей стороны Палеолог также находил тогда, что в этих словах довольно точно передается то, «что думает русский народ в своих самых здоровых частях» («Царская Россия во время мировой войны». 1923 г., стр. 210).

в бесконечную борьбу». ¹ Подавить надо было не потому, что эти элементы были так уже опасны своей «мятежностью», а потому, что они воинственно, шовинистически настроены, и вследствие этого втягивают Романовых в «бесконечную борьбу».

Теперь мы отклонимся несколько в сторону и от Романовых, и от Васильчиковой, и остановимся на двух вопросах, имеющих общую связь с первыми германскими шагами к сепаратному миру.

Как мы видели, при тех попытках, для которых была использована Васильчикова, германские и австрийские империалисты действовали совместно, как союзники. Но почти в то же время, весной 1915 г., в штабе австрийского главного командования, точнее — у руководителя его, генерала Гетцендорфа, возник проект откола от Германии и заключения независимо от последней сепаратного мира с Россией. Этот план, связанный, видимо, с успехами русского наступления в Галиции, был основан на таких условиях: России предполагалось предложить Галицию, вплоть до реки Сана, и признать «сферой влияния» России Румынию и Болгарию; вместе с тем выражалось согласие на то, чтобы главенство над проливами принадлежало России. С другой стороны, согласно этому проекту, Австрия получала «право» приобрести Сербию, Албанию и Черногорию. ² Успехи германцев на востоке привели к тому, что план об отколе Австрии от Германии заглох; однако позднее — в конце 1916 г. — в австрийском правящем кругу были предприняты попытки к отколу от Германии, — но здесь имелся в виду уже не сепаратный мир с Россией, а вообще с союзниками. ³

Перейдем к другому вопросу.

В письме А. Ф., от 14 июня 1915 г., которое мы раньше цитировали, упоминалось о том, что до Николая дошли слухи относительно сделанных германцами попыток к сепаратному миру с Францией.

Такие попытки, действительно, были предприняты в это же время. Так, об этом говорит, например, в своих мемуарах Эрдбергер. Вот его слова:

¹ «Переписка», т. III, стр. 511.

² Об этом говорится в книге von-Сгамон. «Unser Oesterreich — ungarischer Bundesgenosse im Weltkrieg». Berlin. 1920. Краткое изложение книги дано в журнале «Анналы» 1924 г., № IV, стр. 293 — 295, в статье С. Сигрист «Австрия в эпоху мировой войны».

³ Об этом см. ниже, глава 3-я.

«Весною 1915 г. некоторое время казалось, что известные круги Франции склонны завязать необязывающие переговоры о мирных возможностях, несмотря на резкую меру генерала Галиени, который снова воскресил закон, изданный сто лет назад, присуждающий к расстрелу всякого француза, ведущего переговоры с враждебной державой. Но дальше этих необязывающих переговоров не пошли; они продолжались и после отставки Делькассе».¹

По всей вероятности, известия о попытках германцев завязать сношения с французами относятся, главным образом, к личности Кайо, на поддержку которого в этом деле рассчитывали в Германии, основываясь прежде всего на том, что Кайо, будучи в 1911 г. премьер-министром, прилагал все усилия к тому, чтобы договориться с Германией путем соглашения о разделе сфер влияния в колониях.

В начале мировой войны Кайо находился во Франции, а потом был отправлен со специальной миссией в южную Америку; возвратившись оттуда в начале 1915 г., Кайо принимал все меры к тому, чтобы вести пацифистскую кампанию. Между прочим, при возвращении из Америки, Кайо имел свидание с венгерскими представителями, действовавшими в интересах Германии, которые предлагали Кайо вступить в переговоры (неофициальные, конечно) о сепаратном мире. Таким образом, появившиеся весной 1915 г. известия о мирных предложениях, сделанных Германией Франции, повидимому, так или иначе связаны с деятельностью в этом направлении Кайо.

Здесь можно, кстати, отметить еще один из путей, посредством которых некоторые германские круги рассчитывали искать примирения с Францией: это так называемый «святой престол» и «восседавший» на нем римский папа, у которого весной 1915 г. побывал упоминавшийся нами Эрдбергер, вождь католической партии центра, — видимо, нащупывавший почву о возможностях мира. Любопытно отметить, что римский папа уже тогда находил, что «если война протянется долго, то будет социальная революция, какой еще свет не видал».² Этот мотив страха перед социалистической революцией был одной из причин того «пацифизма», который, по мере продолжения войны, стал обнаруживаться все более и более в некоторых слоях буржуазии всех воюющих стран.

¹ Эрдбергер. «Германия и Антанта», стр. 220.

² Там же, стр. 54.

Все эти планы о мире относились, как мы видели, к весне и лету 1915 г. Надо сказать, что распространившиеся в то время слухи о возможности сепаратного мира России с Германией были довольно настойчивы. Между прочим, в начале августа в Гос. Думе в одной из речей также указывалось, что в стране ходят упорные слухи о заключении мира, по которому Прибалтийский край должен отойти от России и компенсироваться Галицией. Мир этот, как здесь сообщалось, «пропагандируется во влиятельных петроградских салонах».¹

В связи со всеми такими слухами, правительство не раз тогда их опровергало. Так, 9 августа Сазонов заявлял, что «попытки наших врагов возбудить переговоры о сепаратном мире встречены во Франции и у нас совершенно отрицательно».² Немного спустя такое же заявление Сазонова было помещено в английском «Times». Наконец, 17 ноября (ст. ст.) в Лондоне была подписана представителями России, Великобритании, Франции, Италии и Японии декларация, которая подтверждала «лондонское соглашение» 1914 г. о том, чтобы не заключать сепаратного мира в настоящей войне. Однако, мы теперь можем видеть, что эта декларация явилась не признаком укрепления «дружбы» между союзниками, а лишь ответом на возникавшие между ними взаимные подозрения.

Но вернемся [снова к [Васильчиковой. Приведенные выше данные освещают, хотя и очень важную, но только первую стадию посреднических ее попыток. Продолжение этого дела было значительно позже — через 6—7 месяцев. По крайней мере, именно тогда Васильчикова снова себя обнаруживает, и на этот раз ее выступление получает шумную огласку.

В самом начале декабря 1915 г. Васильчикова проникает из Германии в расположение русской армии, на северном фронте, и является в штаб VI армии. Об этом начальник штаба северного фронта генерал Бонч-Бруевич телеграфно сообщает (6 декабря) начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексеву.

Приводим полностью телеграмму Бонч-Бруевича, отправленную 6 декабря:

¹ «Стенографический отчет Государственной Думы». 1915 г., заседание 4 августа, речь кн. Мансырева.

² Это было заявлено представителям печати (см., например, «Речь», № 9 августа 1915 г.).

«2 декабря в штаб VI армии явилась для допроса бывшая из Австрии фрейлина государынь императриц Мария Александровна Васильчикова. По ее словам, она имеет около Вены, у станции Клейн-Вартенштейн, имение Глогниц, где и была задержана с начала войны. Получивши из России известие о смерти матери, Васильчикова добилась, при содействии великого герцога гессенского и за его поручительством, разрешения выехать в Россию сроком на три недели, с тем, что в случае, если она не вернется, то ее имение будет конфисковано; предполагает обратно выехать через 15 — 20 дней. Прошу указаний, надлежит ли допустить Васильчикову выехать за границу и, в утвердительном случае, можно ли ее подвергнуть при выезде самому тщательному опросу и досмотру». ¹

Алексеевым этот вопрос был разрешен такой резолюцией:

«Пропустить можно. Опрос учинить можно, а досмотр только при сомнениях. Нет надобности наносить лишнее унижение, если в этом не будет надобности».

Васильчикова была пропущена и через некоторое время появилась в Петрограде.

Но возникает вопрос: мог ли ген. Алексеев, начальник штаба Николая, разрешить этот вопрос самостоятельно, на свою ответственность? Это крайне сомнительно, и даже более — совсем невероятно. Ведь вопрос был, по военным обстоятельствам, серьезный: фрейлина русских императриц Васильчикова пробиравась из Германии в Россию при посредстве герцога гессенского. Это должно было вызвать особые сомнения Алексеева, тем более в виду той остроты, с которой ставился тогда вопрос о германской агентуре.

Но точный ответ на поставленный вопрос затруднен. Дело в том, что Николай как раз 3 декабря выехал из ставки на юг, а 6 декабря, прервав поездку, ² приехал в Царское Село. Таким образом, там, в ставке, Алексеев никакого личного указания Николая получить не мог (если не предположить, что о приезде Васильчиковой стало в ставке известно ранее — в штаб VI армии Васильчикова явилась 2 декабря). Но даже, несмотря на то, что Николая не было в ставке 6 декабря, вполне возможно, что Алексеев по прямому проводу снесся с Царским Селом (может-быть, и не с самим

¹ Эта телеграмма и приведенная резолюция на ней Алексеева напечатаны в книге М. Лемке «250 дней в царской ставке». (П., 1920 г., Госуд. Изд — ство, стр. 281.)

² Поездка эта была прервана вследствие болезни наследника Алексея.

Николаем) по вопросу о возможности пропуска фрейлины Васильчиковой. И особая предупредительность к ней ген. Алексеева («нет надобности наносить лишнее унижение», досмотр произвести «только при сомнениях») как-будто тоже указывает на полученное свыше авторитетное указание. А. Ф., конечно, могла его дать относительно своей фрейлины «Маши Васильчиковой», которая, к тому же, как было известно А. Ф., действовала в полном контакте с ее братом, герцогом гессенским.

Можно к этому прибавить, что командировке Васильчиковой из Германии в Россию предшествовал еще один германский шаг, также, повидимому, связанный с этой командировкой. Палеолог, в записи от 27-го (т.-е. по ст. ст. 14-го) декабря 1915 г., сообщает о том, что недели за три до этого министр двора граф Фредерикс получил от обер-гофмаршала берлинского двора графа Эйленбурга письмо по вопросу о мире. В письме указывалось, что долг обоих этих лиц сделать все зависящее, чтобы вызвать между русским и германским императорами сближение, «которое позволило бы их правительствам вслед затем найти основания для почетного мира». Сазонов разъяснил Николаю, что такое письмо могло быть написано только по особому приказанию Вильгельма, при чем Николай поручил Сазонову написать ответ; в составленном проекте ответа указывалось, что если Эйленбург, действительно, хочет работать над восстановлением мира, то он должен убедить Вильгельма обратиться одновременно с одним и тем же предложением ко всем союзникам. Однако, в конце концов, Николай решил не давать никакого ответа на письмо.¹

Письмо Эйленбурга было получено, видимо, за несколько дней до появления в России Васильчиковой и, очевидно, подготовляло почву для ее приема.

Существовали разные версии о том, в чем выразились действия Васильчиковой в Петрограде. Нам наиболее достоверным по этому вопросу сообщением представляется показание, данное об этом в Следственной комиссии Временного правительства министром внутренних дел А. Н. Хвостовым (который и арестовал Васильчикову).²

¹ Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 307 — 309.

² «Падение царского режима». Редакция П. Е. Щеголева. Том I, стр. 30.

По словам Хвостова, Васильчикова прибыла в Петроград с письмами от гессенских и от голштинских принцесс — к Александре Федоровне и в. к. Марии Павловне. Узнав о приезде Васильчиковой, Хвостов отправился в Царское Село к Николаю и доложил, что ее необходимо арестовать. Николай, — как говорит Хвостов, — «дал мне право поступить с ней, как мне заблагорассудится». Вследствие этого Хвостов лично произвел обыск у Васильчиковой и отобрал привезенные письма, копии с которых были сняты в министерстве внутренних дел (а подлинники, надо думать, представлены адресатам). По словам Хвостова, «ничего серьезного эти письма не представляли»: «говорилось о том, что необходимо помнить, что всему виною Англия, что мы так любим друг друга: русские — немцев, а немцы — русских, что бедная Германия стоит от этой войны, что, если бы не Англия, то мы бы давно примирились...» и т. п. К этому надо, однако, прибавить, что письма были не только от «принцесс», но и от самого герцога гессенского, — об этом говорит Палеолог; он же указывает, что, помимо писем на имя Романовых, герцог гессенский дал Васильчиковой записку, предназначенную для осведомления Сазонова.¹

Но, несмотря на принятые Хвостовым меры, Васильчиковой удалось побывать в Царском Селе у Романовых; это видно из слов того же Хвостова: «Несколько раз, — сообщает он в своих показаниях, — пробовал я говорить с Васильчиковой о Распутине: она тоже была в ужасе и говорила мне, что она больше о Распутине говорить не может, потому, будто бы, что ей грубо в Царском сказали, чтобы она не смела вмешиваться».²

После доклада Хвостова Николаю, Васильчикова была выслана в имение сестры, в Черниговскую губ.; но так как Васильчикова, по словам Хвостова, продолжала «действовать», то ее оттуда переправили в Вологодскую губ.

Доклад Хвостова Николаю был сделан не позже 12 декабря, так как в этот день он выехал в ставку. Таким образом, «действия» в Петрограде Васильчиковой могли продолжаться не больше недели. А 18 декабря Николай уже сообщал жене, что у него был с докладом Белецкий³ и рассказал, «как вела себя Маша В.»⁴

¹ Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 312.

² «Падение царского режима», т. I, стр. 39.

³ Товарищ министра внутренних дел.

⁴ Т.-е. Мария Васильчикова.

ранее и после отъезда из города, и как она была принята в имении своей сестры».¹

В печати сообщения о Васильчиковой появились уже только после ее высылки. На поверхность это дело всплыло вследствие разоблачений, сделанных в думской бюджетной комиссии председателем Думы Родзянко. По его словам, о приезде Васильчиковой в Петроград министерство внутренних дел было осведомлено за несколько дней до этого, и цель ее приезда в общих чертах была хорошо известна департаменту полиции, который ожидал лишь каких-либо определенных действий с ее стороны. На второй день по приезде Васильчикова обратилась «к одному видному члену кабинета» (Сазонову) с просьбою принять ее в возможно скором времени по весьма важному делу; но свидания с министром ей добиться не удалось, так как последний был предупрежден о цели ее приезда в Россию. Вследствие этого остались безуспешными и другие ее попытки добиться приема у членов кабинета. Тогда Васильчикова обратилась к писанию писем разным высокопоставленным лицам. Когда после этого был произведен у Васильчиковой обыск, то «были обнаружены документы, не оставляющие сомнений о цели ее приезда в Россию».²

Из других сообщений видно, что Васильчикова обращалась, между прочим, с письмом и к упомянутому председателю Думы Родзянко,³ который состоял с нею в каком-то родстве.

Некоторые сведения о Васильчиковой сообщает в своих мемуарах французский посол Палеолог;⁴ по его словам, он знает подробности этого дела из рассказа министра иностранных дел Сазонова. Но некоторые неточности, допущенные Палеологом, заставляют критически отнестись к этому его сообщению, как, впрочем, и к его мемуарам вообще. В рассказе Палеолога изображается, между прочим, мелодраматическая сцена того гнева, с каким Николай принял будто бы известие о приезде Васильчиковой. Это мало похоже на правду, тем более, что если бы Николай был действительно так разгневан на Васильчикову, то едва ли бы она осталась для него и после этой истории «Машей» (а так именно называет он ее в своем письме к А. Ф.).

¹ «Переписка», т. III, стр. 499.

² «Русские Ведомости», № от 22 декабря 1915 г. — «К аресту Васильчиковой».

³ «Русское Слово», 19 декабря 1915 г.

⁴ Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны». 1923 г., стр. 310 — 14.

Правда, Васильчикова была выслана из Петрограда и несколько позднее (1 января 1916 г.) лишена Фрейлинского звания. Но по этим фактам еще нельзя судить об отношении Романовых к вопросу о сепаратном мире. Васильчикова допустила ряд действий неумных, каковы все эти обращения с письмами к Родзянко и к министрам; при таких условиях, когда дело получило огласку, не принять против Васильчиковой репрессивных мер Романовы не могли, чтобы явно не скомпрометировать себя и не подтвердить носившихся в воздухе подозрений об «измене».

Отношение А. Ф. к действиям Васильчиковой особенно заметно выявилось после того, как она была лишена звания Фрейлины. Эта последняя мера вызвала резкое осуждение со стороны А. Ф.

«Мне грустно, — писала она Николаю 3 января 1916 г., — что у Маши отнимают шифр;¹ но раз это сделано, нужно сказать, что тут есть господа, которые позволяют себе говорить вещи, за которые их вышитые золотом мундиры и аксельбанты на будущее время также придется от них отнимать. Дай Максиму² приказание прислушиваться к разговору в клубе». ³ В этих последних словах А. Ф. указывает на тех великосветских «либералов», которые осмеливались осуждать ее и Распутина.

Через два дня (5 января) А. Ф. снова возвращается к вопросу о Васильчиковой.

«Митя Бенкендорф,⁴ — пишет она Николаю, — рассказывал у Павла,⁵ что Маша привезла письма от Эрни. Аня⁶ сказала, что она ничего об этом не знает, а Павел сказал, что это правда; кто ему сказал? Они все нашли правильным, что у нее отняли шифр. Я лично нахожу, что С. Ив. Т.⁷ и Лили,⁸ которые так гадко себя вели и были притом моими придворными дамами, гораздо более заслуживали бы наказания (и другие мужчины также). Повидимому, было напечатано письмо какой-то

¹ Фрейлинский.

² Генерал-адъютант.

³ «Письма А. Ф.», т. I, стр. 350.

⁴ Д. А. Бенкендорф, член совета Русского для внешней торговли банка; вращался при дворе.

⁵ В. к. Павел Александрович.

⁶ Вырубова.

⁷ С. И. Тютчева, Фрейлина, противница Распутина.

⁸ Повидимому, говорится о некоей «Лили» Нарышкиной.

княгини Голицыной, обвиняющее¹ ее в том, что она шпионка, хотя я продолжаю не верить этому, несмотря на то, что она действовала очень неправильно по глупости и, я боюсь, по жадности к деньгам».²

А. Ф., как видно из этой цитаты, осталась недовольна тем, что все это дело вскрылось: как смел в. к. Павел говорить о привезенных письмах («кто ему сказал?»). Таким образом, в курсе дела могла быть только чета Романовых, и если бы Васильчикова действовала «правильно», то, быть может, был бы и другой результат.

Недовольство А. Ф. той репрессией, которой подверглась Васильчикова, конечно, понятно: «Эрни» уже был разочарован, когда не удалось послать представителя от Романовых в Стокгольм для переговоров, — теперь «Эрни» был так любезен, что сам командировал для этой цели к Романовым Васильчикову — и вдруг, из-за того, что дело получило огласку, пришлось не только выслать эту Фрейлину, но и лишить ее придворного звания.

Это было тем более досадно, что «Эрни» мог иметь от самой А. Ф. обещания о том, что Васильчикова будет встречена благоприятно. Герцог гессенский постоянно переписывался со своей сестрой, Александрой Федоровной; так, 10 сентября 1915 г. она сообщала Николаю о полученном ею от «Эрни» письме: оказывается, он «много думает» о Николае — «он, — говорит А. Ф., — ничего не просит, только полон любви к нам»;³ 12 сентября А. Ф. сообщает Николаю, что «Эрни» в письме своем просит об обмене какого-то пленного князя Бентгейма, — при этом «Эрни» сообщает, что он «возмущен газами» (т.-е. тем, что германцы применяют это средство), но ссылается на то, что это же делают и англичане.⁴

При той непрерывной переписке, которая была у А. Ф. с «Эрни» и разными германскими принцами и принцессами, вполне, повторяем, вероятно, что герцог гессенский успел заручиться согласием своей сестры на благосклонный прием Васильчиковой, и таким образом могла бы быть объяснена и загадочная история с пропуском ее в Россию.

¹ Васильчикову.

² «Письма А. Ф.», т. I, стр. 354.

³ «Переписка», т. III, стр. 332.

⁴ Там же, стр. 342.

Все приведенные данные вскрывают, в известной степени, те попытки сепаратного мира, которые были предприняты в 1915 году германцами при посредстве Васильчиковой. Мы видим, таким образом, что это дело имело две стадии, из которых первая только здесь впервые выясняется. При этих попытках германцы действовали совместно с австрийцами, при чем руководящая роль принадлежала, конечно, Вильгельму II. Для мирного посредничества здесь были использованы родственные связи царствующих домов России и Германии, но, несмотря на видимое сочувствие к этим германским шагам Александры Феодоровны, Романовы не могли пойти на переговоры хотя бы уже потому, что только-что перед тем они были подкуплены «союзниками» обещанием Константинополя, и, кроме того, они опасались, что сепаратный мир может вызвать революцию.

2.

В предыдущей главе мы упоминали о том, как герцог гессенский Эрнст-Людвиг в письме к сестре своей А. Ф. Романовой (17 апреля 1915 г.) выдвигал предложение о желательности устроить в Стокгольме встречу «доверенного лица», командированного германцами, с таким же лицом, посланным от Романовых. О желательности подобной встречи почти в то же время писала Романовым и уполномоченная германцами русская фрейлинка Васильчикова: она говорила об этом в своем первом письме (25 февраля 1915 г.), где указывала на желательность посланки «поверенного, близкого лица» для переговоров с германскими представителями «в одном из нейтральных государств»; во втором своем письме (от 17 марта 1915 г.) она повторяла это предложение, и в следующем, третьем письме (от 14 мая) это предложение о посланке уполномоченного «для первых переговоров» поддерживалось вновь.

Тогда этот план не осуществился, и, видимо, отчаявшись в том, что Николай пошлет своего представителя для переговоров о сепаратном мире, германцы поспешили отправить в Россию фрейлину Васильчикову. Однако, ее миссия результата не дала. После этого, хотя значительно позже, в июле 1916 г., как раз в Стокгольме состоялось свидание германского представителя Варбурга с товарищем председателя Государственной Думы (позднее министром) Протопоповым. Это было